ГЛАВА IX

Паника в С.-Петербурге. Герцог Бассано в Вильне. Отступление французов

7-10 декабря 1812

Вскоре пред нами предстало зрелище, одновременно вызывавшее сострадание и тайный страх, — в образе остатков этой армии, шесть месяцев ранее столь прекрасной, торжествующей, могущественной: теперь эта армия своим быстрым шествием и своей судьбой напоминала блестящий метеор. В течение трех-четырех дней на улицах Вильны толпились люди, которых нельзя было назвать военными, в их смешных, неуклюжих одеждах. Один, бросив свою кирасирскую каску, нарядился в дамскую шляпу и черный, бархатный плащ, из-под которого виднелись шпоры, и тащил под уздцы свою изнуренную лошадь, на каждом шагу скользя по обледенелой земле. Другой, тщетно пытаясь защититься от холода, напялил на себя одно на другое церковные облачения — ризу, стихарь, напрестольные пелены. Некоторые, более счастливые в поисках добычи, накинули на себя женские, подбитые мехом, капоты, завязав на шее рукава. Наконец, другие тащили за собой шерстяные одеяла, или, подобные теням, вернувшимся из мест, откуда никто не возвращается, шли покрытые саванами и погребальными пеленами. И эти мрачные одеяния, эти траурные атрибуты смерти изображали в этом историческом маскараде угасшую славу великого завоевателя. Пехотинцы, кавалеристы, артиллеристы — никто уже не признавал никакой власти. Моля о помощи, они шли без порядка, без дисциплины, почти без оружия, с лицом и руками, почерневшими от дыма бивуаков, потеряв от чрезмерных лишений и физических страданий всякие чувства, кроме храбрости, никогда не покидающей французов.

полковника.

Мой отец приютил некоторых из них, главным образом генерала Жюмильяка, зятя герцога Ришелье, которого близко знала моя тетушка Радзивилл и у которого при этом несчастном отступлении осталась одна лишь лошадь. Когда этому бедному генералу дали хорошо натопленную комнату и прибор за столом, он был вне себя от радости. Он говорил нам, жадно поглощая пищу: «Mesdames, вы не понимаете, какое счастье есть за столом!» Мы не могли удержаться от смеха, глядя на его черные руки, — по его уверению очень чистые, но только закоптелые.

Г-н Жюмильяк все вздыхал по Аркадии и своей доброй принцессе. Он часто спрашивал нас, долго ли продлятся эти холода; и когда мы чистосердечно уверяли его, что мороз в 26–28 градусов держится в этой местности не более трех дней, он благодарил нас, как за какую-то милость.

Отступление французов через Вильно
Ян Каштор ДАМЕЛЬ